

УДК 930

УРОКИ УЧИТЕЛЯ

Р. Г. Андаева

Пермский государственный педагогический университет, 614000, Пермь, ул. Сибирская, 24
randa-eva2008@yandex.ru

В моей домашней библиотеке хранится книга стихов Марины Цветаевой из серии «Большая библиотека поэта» с дарственной надписью Кертмана: «Рае! Горим – но не сгораем! 3 июля 1966 г.» и росчерк Льва Ефимовича.

Вспоминаю: в то далекое воскресное солнечное утро я – без предварительного звонка (можно ли прийти ко Льву Ефимовичу на короткое время?) – заявила в квартиру Кертмана на Комсомольском проспекте в самом нелепом виде: в вечернем атласном платье с вырезом на спине, в шпильках невысказанной высоты, в темных солнечных очках, с распухшим от слез лицом, с рыданием, что я сгорела. Точнее, накануне в субботу сгорел в Шпальном поселке целиком деревянный дом, владелицей которого я была вместе с родным братом. И я осталась без крова...

... Всякий раз, вспоминая эти события, я задаюсь вопросом: а почему же я сразу пошла ко Льву Ефимовичу??? И только затем вспоминаю: ах, да! Ведь сгорели в том числе мои подготовительные к научной статье бумаги. Я недавно стала аспиранткой-заочницей у Льва Ефимовича и кое-что (а может быть, и больше, чем кое-что) сумела собрать в архивах и библиотеках Москвы и Ленинграда для научной статьи.

Реакция Льва Ефимовича на мои слезы-хлипы привела меня в состояние ступора. Я потеряла способность говорить...

Слышу:

– Ну-у, голубушка, ничего трагического и не произошло. Вы ведь не пострадали. Руки, ноги у Вас на месте... А пожар – это все житейские неудачи... Житейские беды бывают разные... И все в жизни поправимо...

Я даже не сразу поняла, что говорит Лев Ефимович.

И слышу его вопрос:

– Ваш брат не пострадал?

– Нет...

– Совсем хорошо... Больница Вам, стало быть, не нужна...

Не сразу я пришла в себя, чтобы хоть что-то объяснить Льву Ефимовичу. А про себя думала: «Ничего себе “житейские неудачи”... И при чем тут “руки – ноги на месте”? ... Или Лев Ефимович не понял, что я пришла после пожара, что сгорел дом, сгорело имущество. И не осталось ничего...»

А тем временем Лев Ефимович усадил меня в своем рабочем кабинете за журнальный столик. На столике появились бутылка красного вина, два бокала. Сел напротив меня и обрушил шквал вопросов, на которые у меня не было ответов.

– Во-первых, почему Вы поутру гуляете в вечернем наряде???

Я даже не сразу поняла вопрос... Очнувшись, ответила:

– ... Я вчера была на вечернем спектакле в оперном театре...

– Это понятно... Но почему Вы сейчас, утром в вечернем платье???

Едва соображаю, бормочу:

– У меня больше ничего иного нет...

– Попросите сарафан или платье у Любы... (Л.Е.С. – моя подруга со студенческих лет. –

Р. А.) У нее наверняка найдется какая-либо подходящая одежда для Вас...

Теперь уже я, словно оправдываясь:

– Но у меня сгорели все – все документы...

Слышу ответ:

– Это поправимо... В районном ЗАГСе по Вашему заявлению Вам и Вашему брату выдадут копии свидетельств о рождении, выдадут паспорта, а также необходимые документы о ваших родителях...

– Но нам негде жить....

Слышу:

– Вы должны подготовить все необходимые документы и подать заявление в райисполком об отсутствии у вас жилья, и вас внесут в список первой очереди на получение ордера на квартиру... А пока надо или снять комнату, или попытаться найти приют у друзей... Кроме того, надо обратиться за материальной помощью в организацию, где вы работаете...

– Лев Ефимович, но у меня сгорели все материалы, которые я уже сумела собрать для научной статьи...

– Начнете все сначала, и работать придется энергичнее и быстрее...

– Боже, Боже!!! У меня же была великолепная библиотека!!! Книги по искусству!!! А с каким трудом я искала и приобретала поэтические сборники Цветаевой, Пастернака, Блока, Брюсова!!! Как я без них???

Слышу:

– Сарра Яковлевна! Принеси, пожалуйста, том Цветаевой... Подарим Рае – это будет начало ее новой библиотеки...

На каждый мой вопль (а я ждала, видимо, сочувствия) у Льва Ефимовича было резонный и убедительный ответ, а главное – совет или предложение, что конкретно нужно делать, как следует дальше действовать..., как, наконец, продолжать жить ...

– Вы только подумайте, – говорит Лев Ефимович, – у Вас будет новая квартира, новая библиотека, новое платье... Все новое... Представляете, все-все новое...

И все эти слова с убедительной интонацией, словно все это у меня уже есть... (!?!?!?)

В этой беседе я ни разу не услышала от Льва Ефимовича ни вздохов, ни оханий, а были только улыбка, доброжелательность, спокойная интонация, словно я рассказывала ему содержание вчерашнего спектакля, который он знает не хуже меня, а интерпретировать его может куда интереснее и солиднее, чем это делаю я...

Тем временем Лев Ефимович, налив нам обоим вина в бокалы, стал рассказывать – очень спокойно – о том, как почти два десятилетия назад он вынужден был внезапно покинуть родной город Киев, где он жил вместе со своей семьей и работал в университете. Покинуть не по своей воле. Далее слышу и совсем страшные слова – космополитизм. Не без труда понимаю: оказывается, это было обвинение в адрес Льва Ефимовича ... и потому он был изгнан из университета... А Лев Ефимович продолжает рассказывать – с той же интонацией – о сборах семьи, о непростоном переезде в далекий совсем неуютный уральский город Пермь. И начинать здесь все сначала...

Отпивая вино и слушая Льва Ефимовича, я все более и более трезвела... Отрезвев, поняла – Лев Ефимович прав! Абсолютно прав! И следует, видимо, не хныкать, не демонстрировать свои эмоции по случаю «житейских неудач», а действовать в соответствии с обстоятельствами.

Оказывается, жизнь совсем непростая штука. На то она и жизнь...

Мощный урок!

...Покидая квартиру Льва Ефимовича с томом стихов Цветаевой, я, по-моему, не попросила извинения за свое внезапное вторжение. По-моему, и не поблагодарила... Не помню.

Но помню главное – с того дня ни одному человеку, узнавшему о моем пожаре и готовому тогда меня пожалеть или посочувствовать мне, не позволяла так с собой разговаривать. Ни одному, кто бы он ни был! И в дальнейшем (всякое бывало!!!) не позволяла! Если дают совет – принимаю и благодарю. Готовы чем-то помочь – спасибо! Но никаких жалостей, и никаких «ох», «ах»...

Да и сама впоследствии научилась оказывать помощь в случае чьих-либо житейских неурядиц... Помощь практическую, помощь дельным советом...

Мощный урок учителя! На всю жизнь...

...Непосредственной ученицей Льва Ефимовича я стала со второго курса, когда начала писать под его руководством курсовую работу. Да и историком я стала благодаря Кертману.

Поступив в университет в 1953 году, я в течение всего первого курса пыталась университет покинуть. Потому что поступала я на филологический факультет, но, не добрав одного балла, оказалась на историческом отделении, которое в том году по министерскому приказу было возобновлено.

В университет я поступила в отличие от своих сокурсников по окончании Молотовского педагогического училища, которое готовило учителей начальной школы. (Оно находилось на улице

Горького; ныне в этом здании находится одно из помещений хореографического училища). Обучение в нем было четыре года. Я и планировала по окончании учебы в училище работать в школе. Но обстоятельства сложились иначе.

...Надо сказать, что к выпускному году обнаружилось: мы, учащиеся-выпускники, все без исключения безграмотно пишем диктанты. Русский язык вел у нас Аркадий Иванович Захаров – молодой преподаватель приятной наружности, с великолепным светлым чубом, милейшей улыбкой. Нам, выпускницам, было не до правил русского языка. На его занятиях мы кокетничали, улыбались, наверно, дерзили..., но не занимались. И справиться с нами – научить нас правилам русской грамматики – он не мог. Диктанты по-прежнему мы писали с невероятными ошибками. Было очевидно, что за сочинения по литературе на госэкзаменах мы не получим удовлетворительных оценок – по причине безграмотности.

В этих условиях Наталья Михайловна Жданова, директор училища, приняла решение пригласить для нас в качестве преподавателя русского языка и литературы университетского профессора Ивана Михайловича Захарова.

Для нас – достаточно шустрых и бойких учениц – Иван Михайлович сразу стал волшебником.

Хорошо помню: в класс к нам на занятие по русскому языку вошел человек из другого мира. Хорошо сидевший на фигуре очень немолодого человека костюм, белоснежная рубашка, красивый галстук создавали впечатление, что к нам пришел артист. Очень темные брови и белая клинышком борода. Красивый контраст... (Это мы понимали! – у нас были неплохие уроки по рисованию). Очень добрый взгляд... (Впоследствии мы узнали, что Иван Михайлович был дядей Аркадия Ивановича).

И удивительная – в разговоре и беседах с нами на уроках и вне занятий – интонация Ивана Михайловича: всегда спокойная, доброжелательная. Временами лукавая, временами вопросительная... Но для нас – непривычная. Мы прислушивались, приглядывались, иногда терялись в догадках: даже при объявлении нам, учащимся, неудовлетворительной оценки Иван Михайлович был радушен, улыбчив, ничем не выдавал своей обеспокоенности нашей безграмотностью речи и письма. Да и речь его на наших уроках была необычной – трудно было объяснить, какой она была. Вначале мы удивлялись, но слушали; постепенно стали понимать, что она завораживает, ее приятно слушать; потом – что ее хочется слушать (правда, еще не разумели, как рождалось такое необыкновенное речение). Потом мы поняли, что в этой речи появляются грамматические и синтаксические правила, которые в пересказе Ивана Михайловича звучали необычно, но запоминались... Появлялось желание отвечать на вопросы Ивана Михайловича. Кое-что стали понимать... Потом нам захотелось учить правила, повторять их, тренироваться в правильном произношении, а затем и самим находить ошибки в своих письменных работах и исправлять их, и т.д. и т.д. ... Через полгода работы с профессором университета мы все стали грамотными. Мы писали сочинения и диктанты без ошибок. Госэкзамен был спасен!

Но для некоторых из нас, в том числе для меня, самыми удивительными были уроки Ивана Михайловича по литературе, особенно работа со стихотворными текстами. Припоминаю работу с баснями И. А. Крылова. Задание выучить басни наизусть для нас не представляло никакой трудности. «Горе от ума» А. С. Грибоедова (которое изучали в предшествующие годы) некоторые из нас знали наизусть от начала до конца.

На занятии с баснями, например, слышим задание: пересказать содержание своим словами. Не сразу понимаем, для чего стихи пересказывать прозой? И так все понятно: «Сыр выпал. С ним была плутовка такова...», «...Сказал, и в темный лес ягненка поволок». Но пересказываем. Как можем. И вдруг слышим от профессора, что это не все содержание поэтического текста...

Оказывается, смысл стиха (помимо метафоры, сравнения и некоторых иных приемов, что мы знали) шире и богаче раскрывается такими поэтическими приемами – слышим мы от Ивана Михайловича – как аллитерация (чего, чего???) , перифраз, анаколупф (!?), амфиболия (!!!) и прочая и прочая... А через короткое время уже безропотно – поначалу, заинтересованно – чуть позже и закусив удила (!!!) – затем мы ищем в знакомых и незнакомых стихах нечто и ждем с нетерпением Ивана Михайловича, чтобы спросить, а это что??? И кое-что в этих наших поисках и наблюдениях над поэтическим текстом у нас получалось... И вдруг язык стал удивительной загадкой, которая тебя

завораживает и не отпускает. У меня кое-что получалось... И Иван Михайлович объяснил, что для дальнейшей увлекательной работы надо поступать в университет на филологический факультет...

Так я определила свою дальнейшую судьбу. Университет. Филфак...

...Но оказался истфак... Студенческая жизнь первого года обучения на истфаке для меня была очень трудной. Некоторые дисциплины оказались сложными. Научно-академический язык, преобладавший на занятиях, смущал. Подготовка к семинарам и практическим занятиям (за исключением латыни и французского языка) не вызывала энтузиазма. Работа с историческими источниками нередко заводила в тупик...

Кое-что в моем восприятии исторической науки стало меняться с приходом Льва Ефимовича Кертмана. На втором курсе он читал нам «Историю южных и западных славян». Вспоминаю, что слушать и записывать лекции Кертмана стало сразу интересно. Фактический материал, который приводил Лев Ефимович, им интерпретировался. Исторические события в славянских землях, о которых рассказывал Кертман, связывались с мировыми тенденциями. Нередко во время чтения лекций он давал нам практические советы: предлагал делать на полях лекционных тетрадей заметки – это могли быть вопросы к преподавателю, заметки об исторической литературе или о фактах, над которыми следовало бы поработать самостоятельно, и т.д. По ходу лекции Лев Ефимович предлагал нам, студентам, порассуждать, задавал вопросы, на которые советовал отвечать сразу. Не скрою: немногие из нас отваживались на ответ-эспромт. Но если кто-нибудь из студентов проявлял инициативу, а такие были, то у многих из нас рождалась уверенность в своих силах, в своих возможностях. Работать на лекциях Кертмана было интересно. При этом со стороны Льва Ефимовича было заинтересованное и доброжелательное отношение к нам, студентам, что выражалось интонацией голоса, легкой улыбкой, деликатной подсказкой, если отвечавший студент слегка запинаялся или терялся... И всегда присутствовало большое уважение к нам – студентам.

Постепенно у меня пропадал страх перед скучным учебником, сложно написанными текстами, мудреными историческими документами. Вместе со своими однокурсниками училась отказываться от шаблонных фраз, овладевала исторической терминологией, научалась ею пользоваться. Постепенно обнаружила – эти «правила» Льва Ефимовича годятся и в подготовке к занятиям по другим историческим дисциплинам... Нелегкие усилия, которые прикладываешь в работе над тем или иным историческим материалом, давали результаты. Учиться на истфаке стало интереснее. Об уходе из университета или переводе на филфак уже не заикалась...

Вспоминая занятия Льва Ефимовича тех далеких лет, понимаешь – в работе со студентами (будь то лекции, семинары, курсовые работы) он продумывал не только исторический материал, но и методику работы с нами. Сегодня, работая со студентами в педагогическом университете, использую – в совокупности с новыми стандартами и новыми технологиями – многие из методических приемов Льва Ефимовича... Получается... Уроки учителя.

Немало извлекла уроков, когда работала над диссертацией под руководством Льва Ефимовича.

Особенность работы над европейской исторической или историко-культурной тематикой новой и новейшей истории состоит в том, что мы должны – помимо чтения и исследования исторической литературы (в том числе на иностранных языках) – собирать материалы в архивах и библиотеках Москвы и Ленинграда. Разумеется, ни о каких зарубежных поездках в те годы и речи быть не могло. Но Москва и Ленинград – обязательно.

В этих командировках сбор материала различного характера поначалу для меня был увлекателен. Заказываешь в библиотеках периодические издания, информационные бюллетени, затем их пересматриваешь и выписываешь нужную тебе информацию, факты, события, указываешь источник, складываешь собранный материал в свою папку. Накапливается материал. Попутно узнаешь массу дополнительной информации... Затем точно так же собираешь материал в архивах. Все ново... Все интересно!!!

По приезде домой материал классифицирую в соответствии с теми первичными задачами, которые в предварительных беседах определил Лев Ефимович. Пишу небольшой текст, в котором формулирую кое-какие положения.

С материалами иду на консультацию к Л. Е. Кертману. Читаю то, что получилось... По выражению лица Льва Ефимовича понимаю, что у меня ничего не получилось.

Лев Ефимович задает вопрос. Я вопрос записываю, но ответа у меня на него нет. Снова вопрос, и в ответ на него не годится ни один из моих фактических материалов, которые я собрала... Такая беседа длилась немалое время...

Придя домой растерянная, я перечитала вопросы Льва Ефимовича... Озадачилась. Снова перечитала и постепенно поняла. Я переоценила себя. В работе проявила любознательность, но и беспечность, решив, что все очень просто. Оказывается, мне недостает наблюдательности; моего кругозора недостаточно; кроме того, нужны терпеливость, усидчивость и аккуратность...

Следовало обратить внимание и на такие особенности в работе, которые я, видимо, недооценила: уметь не только воспринимать большое количество информации, но и развивать в себе способность заниматься кропотливой работой, особенно в работе с архивными материалами. Нужно развивать способность логического мышления (может быть, поэтому в беседе с Львом Ефимовичем я не сумела показать причинно-следственные связи некоторых событий). И ответственность.

Поняла: предстоит огромная работа и с наскока ничего не сделать.

Работа серьезная и очень нелегкая. Еще урок... Который пошел на пользу.

...Мы, ученики Льва Ефимовича, вот уже много лет встречаемся дважды в год – в день его рождения и в день его кончины... Вспоминаем каждый свое, связанное прежде всего с Львом Ефимовичем. А в итоге говорим, чему научились у шефа: в жизни, в работе, в науке.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.06.2012

MY TEACHER'S LESSONS

R. G. Andaeva

Perm State Pedagogical University, Sibirskaya st., 24, 614000, Perm, Russia
randa-eva2008@yandex.ru